

Кондитерская
Генриетты Булкиной

Открыто

УТРО КОНДИТЕРА

— Надо бы сегодня добавить побольше радости, — сказала Генриетта Булкина, энергично замешивая воздушное дрожжевое тесто. Её наглаженный передник припудрился мукой, как парик придворной дамы. Розовые щёки сияли от усердия.

Генриетта глянула в окно. Огромные серые тучи, подгоняемые холодным ветром, неслись по небу, словно стадо слонов. Было очень рано. Только-только рассвело, но день кондитера и пекаря всегда начинается затемно.

— Погода сегодня какая-то нелётная, — добавила Генриетта.

— Наоборот, очень даже лётная, — каркнул чёрный ворон. Важный и большой, он сидел на полке со специями и следил за происходящим. — В такую погоду легко улететь. Правда, не всегда туда, куда тебе нужно, а только туда, куда дует ветер.

– Это точно, – подтвердила Генриетта, вытирая руки о вафельное полотенце, – чувствую, быть дождю. Поэтому, чтобы поднять настроение, добавим в булочки с изюмом побольше радости.

Она взяла из глубокой миски целую пригоршню тёмного сморщенного изюма, кинула его в тесто и, радостно улыбаясь, запела:

Погода за окошком вдруг
Дождливо нос повесила.
Ты булку съешь, и станет, друг,
И радостно, и весело!

По рецепту нужно было обязательно улыбаться и петь, чтобы булочки вызвали улыбку радости у тех, кто их ест.

– Ну вот! Изюмом выпечку не испортишь! – Генриетта удовлетворённо похлопала тесто по тугим ароматным бокам. – Тебе ещё подходить, дорогуша!

Тесто что-то утробно пробурчало в ответ, подмигивая изюминками, словно чёрными глазками. Генриетта накрыла его белоснежным полотенцем и обратилась к ворону:

– Ну что, Чернослив, радость готова. Не пора ли нам сделать немного любви? Вот только выпью чашку какао.

Пока Генриетта Булкина хлопочет на кухне, мы расскажем немного о ней.

О, это не обычный пекарь, как вы могли подумать. Генриетта Булкина – потомственный кондитер! Правда, её прапрадед начинал своё дело как пекарь. И делал только хлеб да булки, за что и получил такую фамилию.

Генриетта же прославилась как королева сладостей. Много лет она колдует над рецептами и вкусами. Да такими, что все в округе не могут удержаться, чтобы не купить что-нибудь в её кондитерской. И дело не только в хорошей муке и искусно подобранных ингредиентах. Какое-то необъяснимое волшебство заставляет людей возвращаться в кондитерскую снова и снова.

Своими магическими способностями Генриетта была обязана любимой бабушке Белле, которая с раннего детства учила внучку кондитерским премудростям. Генриетта восхищалась бабушкой и стремилась достичь таких же вершин волшебного мастерства!

Хозяйка кондитерской уселась в мягкое кресло и вдохнула аромат, струящийся из большой чашки. Лишь только шоколадное облако коснулось кончика её носа, глаза Генриетты засияли, словно два изумруда, а уютный пучок на макушке удивительным образом стал похож на плюшку, посыпанную сахарной пудрой.

На вид ей можно было дать и тридцать, и пятьдесят лет. Но ходили слухи, что на самом деле ей намного больше. А слухи – они такие! Булками не корми, а дай им походить... Толстый кот цвета морковного

пирогов прыгнул к Генриетте на колени и потёрся о её подбородок пушистой щекой.

– Батон, а ты что так рано проснулся? Тебя разбудили наши петушки? – хозяйка кондитерской посмотрела на полку, где в прозрачной банке стояли на палочках разноцветные леденцы в форме петушков. – Неужели они так громко кукарекали сегодня?

Кот почесал лапой за ухом и замурлыкал:

– Никакие петухи не способны меня разбудить, если я этого не хочу. Это вы встаёте ни свет ни заря, а нам, котам, требуется на сон шестнадцать часов в сутки! Только голод способен поднять меня в такую рань.

И кот выразительно покосился на чашку с какао.

– Ты, Батон, ешь слишком много сладкого, – покачала головой Генриетта, но всё же встала и налила коту в блюдце тёплого ароматного какао. – Пей и помни мою доброту.

Пока кот, мурча, наслаждался завтраком, на кухню вошёл тощий маленький человечек с большой лысой головой, похожей на чупа-чупс. Это был Коврижкин – помощник Генриетты. Ворчливый, но исполнительный.

– У нас закончился запас жевательных червячков, – заявил он с порога. – И я даже знаю почему!

Коврижкин возмущённо кивнул в сторону ворона.

– Чернослив всё слопал!

– Я?! – возмутился ворон. – Да я только червячка заморил!

– Ага, заморил! Так заморил, что ни одного не осталось!

– Мне нужно было подкрепить свои угасшие силы, – с достоинством ответил Чернослив. – И вообще, Коврижкин, по-моему, твои червяки просто-напросто расплзлись кто куда. Тебе нужно лучше следить за сладостями.

– Что?

– Мальчики, не ссорьтесь, – благодушно пропела Генриетта. – Дорогой Коврижкин, ну сделайте ещё червячков. Они пользуются популярностью. И хорошо бы тянучек. Только, пожалуйста, не переборщите с эликсиром тянучести. А то в прошлый раз они тянулись через весь город, словно электрические провода! Видела бы это моя бабушка! Уж она бы не оставила без внимания такой ляпсус!

– Неужели она такая строгая? – спросил Чернослив.

– Не то чтобы строгая, – ответила Генриетта. – Она просто очень ответственная и любит всё делать хорошо. Бабушка нам всегда говорила: «Если берёшься за работу, то делай её качественно, а не тяп-ляп! А тем более если хочешь добиться успеха!» И мы с сестрой старались. Нам очень хотелось, чтобы она нами гордилась! Так же, как мы ею! И знаешь, благодаря этому я стала тем, кем стала.

Она задумчиво отпила какао и посмотрела на Батона, который, покончив с завтраком, пытался выловить печеньки-рыбки, что стайкой плавали в большой стеклянной банке.

Генриетта усмехнулась. День только начинался. Обычный насыщенный и полный приключений день волшебной кондитерской Генриетты Булкиной!

Работа кипела. Приближалось время открытия. Маленькие столики в кондитерской Генриетты Булкиной никогда не пустовали.

– Хрм-хрм, – орехи прыгали на сковородке и, переворачиваясь с боку на бок, аппетитно поджаривались.

– Давайте, мои золотые, давайте! – покрикивала Генриетта. – Да смотрите не подгорите!

– Хрм-хрм, – ещё пуще подскакивали орехи.

Из большой чаши, словно белое пушистое облако, выглядывали взбитые сливки и что-то весело бормотали. В бутылках булькали и подмигивали разноцветные сиропы. На плите таяла и млела шоколадная глазурь.

Генриетта хлопотала. Дел было видимо-невидимо. Она принялась колдовать над мороженым – нужно было спешить: десерт должен успеть заморозиться к обеду.

– Так, чего бы добавить сегодня? – оглядела Генриетта ящички с зеленью.

– Меня! – закричала мята, протягивая веточки.

– Нет, меня! – отпихнул её розмарин.

– Друзья, не переживайте, – пожурила их Генриетта, – вы оба мне пригодитесь.

И мороженое стало мятно-розмариновым.

Следом за мороженым настал черёд бисквитных пирожных, на которых расцвели ароматные розы, и песочных корзиночек со свежими фруктами. А потом подоспели и медовые пряники, которые Генриетта покрыла блестящей, похожей на шёлковую ткань глазурью.

Когда с готовкой было покончено, Генриетта вошла в небольшой уютный зал и огляделась. На начищенном до блеска прилавке красовались разноцветные кексы, миндальные пирожные и безе. В больших подстаканниках стояли букеты из леденцов, лакричных палочек и прочих сладостей. В плетёных корзинах, расставленных по кондитерской, сияли воздушными боками булочки, рогалики и крендельки. На полках красовались банки с морскими камушками, тянучками, карамельками и шоколадками ручной работы. Ах да, ещё торты!словно короли на троне, возвышались они на своих блюдах. На фоне этого румяно-разноцветного великолепия выделялась лишь чёрная грифельная доска с начерченной мелом надписью, которую Генриетта считала жизненным девизом: «БЕЗ СЛАДКОГО ЖИЗНЬ НЕ САХАР!»

Ароматное и сладкое царство Генриетты Булкиной было готово распахнуть двери перед первыми посетителями, как вдруг до Генриетты донеслось:

– Булочки с изюмом плачут!

В зал ворвался обычно флегматичный Коврижкин.

– Булочки плачут! – повторил он.

– Как это плачут? – воскликнула Генриетта.

– Сами посмотрите!

И Коврижкин побежал на кухню, а Генриетта – за ним.

Там её ждало ужасное зрелище. Свежеиспечённые булочки лежали на противнях и рыдали. Под каждой из них уже натекла приличная сладкая лужица огорчения. Словно почувствовав происходящее на кухне, тяжёлые тёмные тучи за окном тоже взялись плакать: на земле показались первые капли дождя.

– Что такое? Что случилось? – Генриетта наклонилась над булочками.

– Мы тут ни при чём, – каркнул Чернослив. – Всё было нормально, пока Коврижкин не посыпал булочки сахарной пудрой.

– Я не виноват! – возмутился Коврижкин. – Я всегда посыпаю их сахарной пудрой из этой банки. И всё всегда было нормально!

Генриетта взяла банку, макнула палец в сахарную пудру и лизнула. Из её глаз покатались слёзы.

– Ой-ой-ой, – всхлипнула Генриетта, – но это не сахарная пудра!

